

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Таня Кель

На глубине
не больно

18+

Больше, чем спорт

Таня Кель

На глубине не больно

«Автор»

2026

Кель Т.

На глубине не больно / Т. Кель — «Автор», 2026 — (Больше, чем спорт)

Шестнадцать лет я гнула спину на бревне, чтобы вытащить семью со дна. Одна стипендия. Один шанс. Одно лето на Универсиаде — и всё решится. А потом появился он. Этан Тауэр. Пловец. Мажор. Хищник в дорогих кроссовках. Он снял меня на камеру, уничтожил репутацию и пришёл спасать. Как будто пожар и пожарный могут быть одним человеком. Он оплатил лечение моего брата за моей спиной. Стёр скандал из интернета. Шантажировал моего тренера. И каждый раз, когда я говорила «отпусти» — сжимал крепче.***— Ты купил мою семью. Я не могу уйти.— Ты можешь. Не хочешь.— Это одно и то же.— Нет. И ты знаешь разницу. Поэтому злишься.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Таня Кель

На глубине не больно

Глава 1

Этан

Я начал собирать её в первый же день.

Ещё не знал имени, не слышал голоса, лицо увидел только вскользь: с двадцати метров. Но камера уже работала. Угол был выставлен правильно, и этого хватило.

В этот день такси встало у шлагбаума. Лейкпорт. Калифорния. Сорок в тени, да и то не факт.

Я вышел, перекинул сумку через плечо и за три секунды зафиксировал всё: двадцать машин на парковке, две камеры наблюдения, слепая зона у них справа, у забора. Привычка. Всегда замечал то, на что другие не обращали внимания.

Пальмы декорацией стояли вдоль дороги, за территорией блестело озеро.

Я взглянул на дорожные часы на запястье. Мне они нравились, потому что были сделаны для воды. А вода – единственное место, где мне не нужно притворяться кем-то.

На груди качнулась камера. Сто двадцать градусов захвата. Включил, забыл, живёшь. Двести тысяч подписчиков ждали контент, и я давал им это. Всем интересно наблюдать за жизнью загорелого пловца с ленивой улыбкой и олимпийскими амбициями. А сейчас мы приехали на Универсиаду. Отличная выйдет вечеринка.

Мне было тринадцать, когда я впервые понял, что умею отключать чувства и врубать объектив. У одноклассника умерла собака, он рыдал в школьном коридоре, согнувшись пополам, а я стоял рядом и думал: если снять его лицо, сколько это соберёт лайков? Мальчик тогда посмотрел на меня, в надежде увидеть сочувствие, и я отыграл роль. Он даже поверил. Все всегда верили. Мою пустоту никто не замечал.

Я записывал с четырнадцати, и к двадцати это вошло в привычку. Вот и сейчас я это делал.

Джекс торчал у входа с парнями из сборной. Все трое – в командных поло, даже подстрижены одинаково. Их что, на одном заводе штамповали?

Мой друг перекрикивал всех. Ублюдок всегда это делал.

– Тауэр! Живой! – Он подошёл и врезал по плечу так, что дёрнулась камера. – Чувак, тут жарче, чем в сауне с гимнастками.

– Откуда тебе знать, идиот? Ты там никогда не был.

Парни заржали и Джекс тоже. Он умел смеяться над собой, когда настроение позволяло. В остальное же время он был первосортным мудаком. Но мудаки в моём мире водились стаями, Джекс хотя бы не маскировался.

Потом подъехал белый автобус с логотипом гимнастической федерации. Пыльный. С боковым зеркалом на скотче.

Я обратил на него внимание только потому, что камера смотрела в ту сторону. А я давно привык замечать всё, что попадало в кадр.

Из автобуса посыпались тонкие и жилистые девушки с затянутыми в хвост волосами и одинаковыми сумками. Тренер... все они похожи. У них это была жёсткая женщина за пятьдесят. Она не улыбалась и сразу же начала раздавать указания металлическим голосом.

А вот её я увидел третьей или четвёртой. Мозг мгновенно сфокусировался на одной из спортсменок, потому что девушка выделялась из общей массы. Светлые густые волосы беспо-

рядочно выбивались из хвоста, но это не выглядело неряшливо. Зелень глаз была неправильная, слишком яркая, как пересвеченный кадр.

Незнакомка схватилась за обмотанную изолентой ручку сумки и пошла за остальными.

Детали. Я сразу записывал их себе в память. Рост – ниже меня на голову. Вес – пятьдесят килограмм, плюс-минус. Шикарные аппетитные формы для спортсменки. Обычно они плоские, как брёвна. Что-то с походкой не то: опора на правую ногу, левое колено сгибает чуть осторожнее. Старая травма?

Мозг раскладывал, сортировал, подшивал. Мне всегда нравился этот процесс.

Джекс, разумеется, не смог промолчать.

– Твою ма-а-ать, – протянул он, облизнувшись. – Вот это ножки. Я б их себе на плечи закинул и...

Девушка обернулась, потому что этот debil разве что во всё горло не орал.

Она медленно подошла. Я ждал стандартного поведения, что зальётся краской, опустит глазки или ускорит шаг, убегая от нас, но спортсменка злобно посмотрела на Джекса, как на дегенерата и прошипела:

– Закончи предложение. Давай. Я подожду.

Друг от неожиданности приоткрыл рот, и из него вылетело только невнятное мычание.

– Я шестнадцать лет гну спину, чтобы такие, как вы, неудачники, аплодировали с трибуны. – Она говорила спокойно, но со сталью в голосе. – Я не твоя фантазия, мудака. Твой урвень – только ладошка. Не натри.

В наступившей тишине я слышал чуть ускоренный стук своего сердца. Лишь по нему я определял, понравилось мне что-то или нет.

Джекс стоял с лицом обосравшегося кота. Ему не шло. Я знал этого мудака. Он запомнит. Может, даже ответит что-то едкое.

А я заступлюсь за девчонку? Вряд ли. В чужие конфликты я не лез. Не мой стиль. Сейчас я только снимал.

Незнакомка повернулась и пошла. Явно нервничала: хвост раскачивался, пальцы впились в ручку до побелевших костяшек. Она ни разу не оглянулась.

Я смотрел ей вслед и фиксировал каждое движение. Хорошо девчонка приложила Джексу. Мало кто так мог.

– Сучка, – выдохнул он.

Я не ответил, смотрел в камеру. Угол идеальный.

Что ж. Она заинтересовала меня. А это плохо. В первую очередь для неё.

Вечером я сидел на кровати в одноместном номере – это та привилегия, которую отец выбил через спонсоров – и пересматривал запись.

Нужный момент нашёлся с третьей попытки. Я поставил его на паузу.

Какая шикарная злость у этой девчонки. И она прекрасно ложилась на её красоту. Зелёные глаза горели огнём, губы сжались. Мне нравились чистые эмоции у других людей. Они не лживы.

Я сохранил кадр в отдельную папку в телефоне. Для своей коллекции по этой девушке. Это только начало. Я чувствовал, что скоро моя папка потолстеет.

Ночью мне не спалось. В два часа поднялся и вышел в коридор. На информационной доске у лестницы висело расписание тренировок.

Я нашёл нужную строку, сфотографировал: гимнастика, зал В, 6:00.

После того как вернулся, открыл ноутбук и зашёл в систему аккредитации Универсиады. На странице женской сборной начал листать.

Мия Андерсон. Двадцать лет. Бревно, вольные, многоборье. Фотографию прилепили скучную. Паспортную. Картинка не имела ничего общего с лицом в моей папке. Здесь не было жизни.

Я мазнул взглядом дальше, увидел номер комнаты, этаж, корпус. Состав сборной: шесть человек. Тренер: Рита Волкова.

Записав все заметки, я закрыл ноут и лёг спать.

Мия Андерсон пока ещё не догадывалась о моём существовании. Вряд ли она сегодня меня запомнила. Зато я уже утром буду знать всё о ней, вплоть до медицинской истории.

Мне нравилось это: знать о людях больше, оставаться невидимым, но замечать всё, собирать информацию о человеке. Я это делал по разным причинам: компромат, власть, влияние. Но сейчас появилось новое чувство – любопытство.

Многие бы посчитали это слежкой, но я называл это интересом.

Я поставил будильник на 5:40. Зал В открывался в шесть. Её зал.

Глава 2

Мия

Будильник сработал в пять, но я уже не спала, лежала на спине и просто пялилась в потолок. Не хотелось ни о чём думать, потому что каждая мысль была разрушающей.

Но всё же надо вставать.

Я спустила ноги с кровати и натянула легинсы, выстиранные до такой степени, что чёрный стал серым, а ткань на коленях просвечивала. Кроссовки, давно пережившие свой срок, привычно сели на ноги.

Набрала маме. Она взяла трубку после третьего гудка. Голос сонный, и я тут же пожалела, что позвонила так рано, но мне нужно было услышать только одну вещь.

– Как Тайлер? Ингалятор есть? – спросила я.

– Да. Хватит на неделю, может, чуть больше. Не волнуйся.

– Я не волнуюсь. Обними его.

Каждый раз, когда мама просила не переживать, я начинала пересчитывать доллары и делить их на вдохи моего десятилетнего брата, у которого астма решала, будет ли он нормально спать ночью или задыхаться, сидя на кровати, прижимая к лицу маску. А она стояла восемьдесят баксов без страховки. Это четыре смены мамы на кассе. Вот в таком кошмаре я жила.

Зал В в шесть утра был пустой, и я добилась этого специально, уговорив Риту дать мне тридцать минут до общей разминки. Тренер согласилась, потому что ранний приход в её мире означал дисциплину, а дисциплину она уважала куда больше, чем людей.

Стянув кроссовки, я вышла на ковёр босиком. Тишина стояла такая плотная, что я слышала собственное дыхание. Подошла к бревну, положила ладони на гладкую кожу снаряда, и пальцы легли привычно. Я любила это ощущение. Оно давало покой.

Закрыла глаза.

Здесь, в пустом зале, в полшестого утра, пока город спал и никто не смотрел, моё тело принадлежало мне. Не Рите, которая решала, сколько мне есть и под каким углом приземляться. Не стипендиальному комитету, от которого зависело, доучусь я или вылечу к чёрту. Не Тайлеру. Хотя ради него я была готова отдать всё, включая это бревно. Несколько минут тишины, когда можно двигаться так, как хочу.

Пара секунд чистой, прозрачной, звенящей свободы.

Потом дверь хлопнула, загремели сумки по полу, зал наполнился голосами и шагами. Свобода кончилась, как всегда, слишком быстро.

В столовой я взяла овсянку, варёное яйцо и воду. Рита стояла за моим плечом и контролировала каждое движение.

– Без масла, – бросила она, когда я потянулась к маслёнке.

Я убрала руку. Шестнадцать лет в гимнастике, и я до сих пор не могла намазать масло на овсянку без разрешения взрослой женщины.

Плюхнувшись за стол, я увидела его. Вчерашнего парня с камерой.

Он сидел через два ряда и ел так, будто еда была его личным развлечением. На подносе перед ним стояло столько, что хватило бы на троих: бургер, картошка, протеиновый коктейль, банан, какой-то батончик сверху. Пловцы сжигали по пять тысяч калорий в день и могли жрать что угодно, когда угодно, и никто не стоял у них над душой с запретом на масло. Он делал это с таким невозмутимым удовольствием. Свободный, чёрт возьми!

Я посмотрела на свою овсянку и ощутила тошноту.

Парень был красивым, и бесило именно это, сложно не заметить такого. Не модельная или мальчишеская красота, а какая-то тяжёлая, мужская. Широкие плечи, мускулистые руки, привыкшие отталкивать воду тысячи часов напролёт. Каштановые волосы спадали мокрыми

пряжками, видимо, после утреннего бассейна, и синие яркие глаза лениво сканировали любую мелочь, словно ему было скучно. Половина девчонок в столовой на него смотрела. Кто-то отводил глаза, кто-то не утруждался. Он, казалось, не замечал, но это напускное. Уверена, он видел каждый взгляд и считал их, как медали.

Пловец откусил от бургера кусок, поднял глаза и заметил меня. Не перестал пялиться. Просто жевал и смотрел, и в этой наглой неторопливости было что-то настолько бесцеремонное, что у меня загорелись уши.

Я отвернулась первой. Зачерпнула овсянку и заставила себя проглотить.

Он ел свободно, мне же требовалось разрешение.

В одиннадцать вечера подвал тренировочного корпуса был пустым и тихим. Мне это подходило.

Я нашла грушу в дальнем углу, за стеллажами с матами, и молотила по ней без перчаток, потому что мне требовалось выбросить из себя всю злость, скопившуюся за день, а не думать, как правильно это сделать. В ушах орал трэп, басы вибрировали в голове, и я колотила, пока костяшки не загорелись, а руки не стали тяжёлыми.

Послышался какой-то шум сзади.

Тело среагировало мгновенно.

Я почувствовала движение воздуха за спиной.

Секунда, и, развернувшись, я ударила кулаком в грудь, вложила в удар весь свой вес.

Парень перехватил запястье. Пальцы плотно сомкнулись на нём, и я узнала синие глаза мгновенно, потому что даже в полутёмном подвале они умудрялись быть яркими. Это он. Тот пловец!

– Неплохой удар. Для маленькой девочки, – пророкотал красавчик.

Голос спокойный, почти ласковый. От этого стало хуже, потому что по спине от его баса побежали мурашки.

– Отпусти руку. Или следующий будет в яйца, – зашипела я.

Пловец не отпустил. Рывком развернул меня спиной к себе и прижал, зафиксировав обе руки. Мощная грудь была твёрдой и горячей. Я чувствовала, как его сердце бьётся ровно, спокойно, будто он не перехватывал удар, а разминался перед заплывом.

Я вмазала локтем под рёбра. Он выдохнул, хватка ослабла на секунду, и этого хватило.

Подсечка.

Опорная нога ушла, пловец рухнул на маты, а я оказалась сверху, колено упёрла ему на грудь, а ладонью схватила за горло.

– Не. Трогай. Меня.

Он лежал подо мной. Я ждала злости или рывка. Но он просто смотрел снизу вверх, и уголок рта медленно пополз вбок.

– Ты сидишь на мне.

Только сейчас я осознала, что колено съехало и я сидела на нём верхом. Наши лица находились в двадцати сантиметрах друг от друга. Его дыхание касалось моих губ.

Меня в мгновение прошило током.

Я резко вскочила. Подхватила кроссовки, наушники и рванула к лестнице. Меня трясло и вряд ли от страха.

Чёрт!

Уже на ступеньках позволила себе оглянуться.

Парень лежал на матах. Не встал. Смотрел в потолок. Лицо как лицо. Правда, что-то хищное проскочило, голодное в его чертах. По позвоночнику прошёл холод.

Я отвернулась и побежала наверх.

Уже в комнате я легла и уставилась в потолок. Тело не хотело успокаиваться.

Соседка дрыхла, свернувшись под одеялом, и тихо сопела. Я завидовала человеку, который просто ложится и засыпает.

Ситуация в подвале крутилась в голове. Что со мной произошло? Почему тело так отреагировало.

Я снова вспомнила детали: сильные пальцы на запястье, грудь за спиной, дыхание на губах. Это что? Возбуждение? Да не может быть!

От этого я даже приснула. Хотелось рассмеяться, но вдруг стало страшно.

Я подняла руку и посмотрела на запястье. Там, где он держал, кожа порозовела. Я потёрла это место пальцами и разозлилась на себя за то, что вообще заметила.

Потом открыла соцсеть. В два часа ночи в голову приходят самые паршивые решения.

Нужный мне пловец нашёлся почти мгновенно. Этан Тауэр.

Двести тысяч подписчиков. Колонка пестрила снимками с яхт, вечеринок, бассейнов. Фотки выглядели как рекламный ролик жизни, не имевшей ко мне ни малейшего отношения.

На одном кадре он стоял на палубе в плавках и смеялся, запрокинув голову, а солнце подсвечивало его, как киногероя, и под фото было три тысячи лайков. И примерно столько же комментариев. Мне даже смотреть не надо, все они от бесчисленных фанатов.

Я с грустью взглянула на своих четыреста подписчиков. Последний раз что-то публиковала полгода назад. На фото я стояла с грамотой и натянуто улыбалась.

М-да. Разница между нашими мирами настолько огромна, что от неё звенело в ушах.

Я закрыла приложение, положила телефон экраном вниз и натянула одеяло до подбородка.

С чего вообще я думаю об этом парне? Как будто других забот нет.

Глава 3

Этан

В этот вечер я никак не мог заснуть. Лежал и трогал рёбра там, где эта бестия вмазала локтем. На том месте наливался горячий синяк. Девчонка весом от силы килограммов в пятьдесят пять уложила меня на маты, села сверху и взяла за горло. А я лежал под ней и не двигался. И что самое интересное, не хотел даже шевелиться. Нравилось, что она сидела на мне, и это было проблемой.

В три ночи я открыл ноутбук и в очередной раз загулил её. Интернет выдал немного, но мне хватило. Юниорские медали: бронза на национальных два года назад, серебро на каком-то региональном первенстве. У Мии была травма колена в восемнадцать, после операция, полгода восстановления. А вот и упоминание стипендии в университетской газете, короткая заметка с фотографией. Она там улыбалась. Стипендия была единственной причиной, по которой она вообще могла учиться, и это читалось даже между строк казённого текста.

В соцсети ни верификации, ни рекламы. В описании профиля стояла цитата: «Не упала». Значит, сильная. Так просто её не сломить.

Я не подписался. Рано. Добавил ссылки в папку, где лежал скриншот её лица в ярости. Папка росла, и мне нравилось на неё смотреть.

В шесть утра я стоял у входа в зал В, и врать себе про случайность не имело никакого смысла. Я пришёл, потому что хотел её видеть. Вчера тоже приходил, но наблюдал за Мией недолго: надо было идти в бассейн.

Зал имел балкон для зрителей, и я сел наверху с камерой на нагрудном креплении. В своём влоге я показывал утро в олимпийской деревне, атмосферу Универсиады, тренировки сборных. Сейчас камеру направил на себя, но угол выставил шире обычного, так, чтобы захватывать ковёр и бревно внизу. Я знал, что делаю с того самого момента, как сел и проверил кадр на экране телефона.

Мия вышла на бревно в 6:15. Хвост, легинсы, сосредоточенное лицо. Она двигалась на снаряде легко, порхала, как бабочка. Ноги, бревно, воздух – всё сливалось в одно непрерывное движение, от которого невозможно оторвать взгляд.

Потом появился тренер и началось.

Рита Волкова орала так, что слышно было на балконе.

– Жирная! Медленная! Бесполезная!

Мия стояла на бревне и спокойно принимала это, почти безэмоционально. На последнем элементе она дрогнула, едва не сошла со снаряда, и Рита добавила что-то тише, чего я не расслышал, но по губам прочитал: «Жирная корова, ты позоришь меня».

Я проверил запись. Угол захватил всё: Мию на бревне, Риту с перекошенным лицом, каждый жест. Кадр был чётким, звук, скорее всего, тоже.

Я бы мог это стереть, перемонтировать влог или вырезать тренировку, оставить только свою голову и болтовню на камеру. Это заняло бы пять минут.

Но я перевёл взгляд с экрана на Мию, которая молча сходила со снаряда с опущенными плечами, и закрыл превью.

Оставил всё как есть. Вечером я всё это залил в сеть и стал ждать.

К полуночи ролик набрал четыреста тысяч просмотров, норма для моего канала. Ненормальным стало другое: кто-то в комментариях вырезал фрагмент с Ритой и запостил отдельно. Его подхватили. Какие-то пользователи с навыком чтения по губам расшифровали шипение Риты.

К утру клип обогнал по просмотрам мой влог в три раза.

Скандал раскачался за считанные часы. Репосты, комментарии, теги федерации. Мэриан Лойд написала у себя в блоге: «Это то, что мы называем тренерством? Кто защитит спортсменов?»

Мы с ней дружили с детства. Наши отцы были знакомы, и каждое лето я торчал у Лойдов на веранде, пока она командовала мной так, будто родилась с мегафоном в руке. Сейчас она только начинала в журналистике, но её блог каким-то образом вырос до пятисот тысяч подписчиков, потому что Мэриан обладала редким талантом – копать до дна и при этом не выглядеть мерзко. Она приехала освещать Универсиаду, и я знал, что рано или поздно мы пересечёмся, но не думал, что поводом станет моё же видео.

Под постом висел мой влог с тайм-кодом и стоп-кадром Ритино лица.

Я читал всё это, лёжа на кровати. Наверное, должен бы чувствовать вину или удовольствие. Но во внутри что-то легонько покалывало, напоминало ощущение перед стартом, когда стоишь на тумбе и ждёшь сигнала.

Мия пришла на следующий вечер ко мне в комнату. Громко постучала в дверь.

Я лежал на кровати в шортах, без майки, не торопился открывать, потому что знал, что это она, и хотел, чтобы девушка постучала ещё раз. И она сделала это.

Когда я открыл, Мия стояла в коридоре. Бледная. Взъерошенная.

Вошла, не спрашивая разрешения, и начала орать.

– Ты сраный мажор!

Её голос сорвался, но дальше она кричала так, что стены вибрировали.

– Ты знаешь, что у меня стипендия висит на волоске из-за любого скандала. У меня брат с астмой! Ему нужны ингаляторы, а не вирусные ролики. Мама пашет на трёх работах и засыпает с телефоном на подушке, потому что боится пропустить звонок из больницы. А у тебя папочкин траст, из которого ты, придурок, оплачиваешь свою жизнь.

Она задыхалась, слова налезали друг на друга, и в какой-то момент я перестал вникать в смысл и начал слушать звук. Низкий, хриплый, рваный, как музыка, от которой невозможно оторваться.

Когда Мия замолчала, я встал. Медленно.

– Закончила?

– Удали!

Я достал смартфон, нашёл влог, нажал «удалить». При ней. Молча.

Показал экран с подтверждением и убрал телефон в карман.

Извиняться я не стал: любое извинение сейчас прозвучало бы фальшью, и она бы это почувствовала. А может, я действительно не жалел. Разобраться в себе до конца не успел.

Девушка выдохнула, развернулась и пошла к двери.

Джек стоял в коридоре с телефоном в вытянутой руке. Камера смотрела прямо на неё. Он улыбался.

– Горячая. Люблю, когда орут.

Мия выбила телефон, и он хлопнулся об пол, экран треснул. Джек перехватил её за локоть и сжал, я увидел, как побелели его пальцы на её коже.

Ублюдок! В этот момент во мне всё вмиг загорелось.

Я вышел из комнаты.

– Не трогай.

Видимо, что-то зловещее было в моём лице. Тьма. Иногда она просачивалась наружу.

Джек посмотрел на меня и отпустил руку Мии.

– Покажи телефон, – почти приказал я.

– Чувак, ты серьёзно?..

– Покажи!

Он поднял, повернул в мою сторону разбитый, но всё ещё функционирующий экран. Видео с её криком было уже отправлено в групповой чат с тремя контактами.

– Удали.

– Уже ушло, братан. Что я...

– Удали у себя.

Я почти рычал. По моим венам тёк жидкий гнев. Позже разберусь с причинами.

Джекс удалил, глядя на меня волком, а потом быстро ушёл.

Всё это время Мия стояла у стены, и ярость в её глазах уже сменилась просто тупой злостью.

Она упорхнула, не сказав ни слова.

А я закрыл дверь и сел на кровать.

Проверил, есть ли вина. Честно, как проверяют пульс: приложил ладонь, прислушался. Ничего. Вместо вины работал ясный и спокойный расчёт.

Она зависит от стипендии. Стипендия зависит от репутации. Репутация горит с двух концов: тренировка с Ритой расплзлась по сети, запись её срыва у меня в комнате ушла по чатам. Два вирусных видео за сутки. Если комитет увидит оба, а он увидит, вопрос не в том, снимут ли стипендию, а когда.

Если я решу эту проблему, найду людей, уберу видео, прикрою от последствий, она будет мне обязана. Не благодарна. Нет. Благодарность ничего не стоит. Именно обязана. Это поводок. Его не видно, но он чувствуется при каждом шаге.

Я поймал себя на этой мысли. Мне стоило от неё отдёрнуться, как от чего-то мерзкого. Но я не стал. Просто отложил. Пока она не нужна, но скоро пригодится.

А после я лёг, закрыл глаза. Её голос всё ещё звенел внутри. Хриплый. Рваный. Она была прекрасна в ярости. И абсолютно уязвима.

Глава 4

Мия

Видео с моим срывом расплзлось по закрытым чатам за ночь, и к утру о нём знали все. Я поняла по столовой. Шёпот шёл за мной волной: стихал, когда я проходила мимо, и поднимался за спиной. Никто не говорил в лицо. В лицо неудобно, зато за исподтишка можно всё.

Нат подседа первой. Улыбка у неё выглядела приторно и фальшиво.

– Видела твоё кино. Оскар за драму, – проворковала она.

Я не ответила. Тратить слова на Нат означало признать, что её мнение что-то для меня имеет вес. А оно бесполезно. Мы с ней скорее конкурентки, чем союзницы.

Рита подождала до тренировки. Увела к стене, в сторону от остальных, и заговорила тихо, а тихая Рита всегда была хуже кричащей.

– Ты устроила сцену у пловца. Ночью. Одна. – Женщина смотрела, не мигая. – Мне не нужна шлюха в команде.

Меня будто к земле прибило, в секунду потемнело в глазах. Но шестнадцать лет гимнастики научили одному: сначала выдержи, потом бей.

– Я пришла потребовать удалить видео. – Голос, слава богу, не дрогнул. – Видео, на котором вы называете меня жирной коровой.

Рита заткнула рот. Не от стыда. Я сомневалась, что стыд входил в её рабочий набор эмоций. Она поняла: если продавит дальше, я заговорю громче. А это плохо, тут везде камеры, потом будут комиссии и конец карьеры.

Тренер отошла. А я стояла у стены и дышала, пока руки не перестали трястись. За что мне всё это?

В обед пришло письмо примерно такого содержания: «Уважаемая мисс Андерсон, в связи с поступившей информацией об инцидентах, связанных с вашим участием в Универсиаде, стипендиальный комитет просит предоставить письменное объяснение...»

Я прочитала дважды, буквы расплылись, потому что экран дрожал.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Подтекст был простой: скандал может повлиять на финансирование. Написано вежливо, но на языке бюрократии их гладкие и вылизанные фразы означали, что они меня уничтожат, если им будет удобно.

Я писала ответ два часа. Перечитывала бесконечное количество раз. Каждое предложение рождалось в муках: одно лишнее слово, неверный тон, и летит всё. Стипендия, учёба, ингаляторы Тайлера, мамина аренда. Всё это держалось на моих словах в окошке электронного письма.

В итоге я отправила всё. Ответ будет через пять рабочих дней.

Пять. Грёбанных. Дней!

Для спортсмена – это как пять лет.

Устав от переживаний вечером я пошла в бассейн, потому что хотела побыть одна, а вода для одиночества лучше, чем стены.

Рекреационный бассейн на дальнем краю комплекса был почти пуст, только какая-то женщина в шапочке неторопливо добивала дистанцию на боковой дорожке.

Я спустилась в воду и поплыла. Не профессионально, я была гимнасткой, не пловчихой, но вода гасила шум, который не прекращался весь день, обволакивала прохладой, и на несколько минут можно было просто двигаться, ни о чём не думая.

Тауэр появился, когда я заканчивала третий круг.

Сперва я увидела его ноги, а за ними лицо. Парень находился здесь в одежде: кроссовки, шорты, светлая футболка. Какие у него загорелые голени.

Фу, Мия! О чём ты думаешь?!

Парень сидел на краю и смотрел вниз. Давно здесь? Когда я подняла голову, наши глаза встретились, и мне хватило секунды, чтобы понять: он не случайно проходил мимо. Он знал, что я здесь.

– Я пришёл извиниться.

– Не верю.

– Правильно. Я не умею.

И тогда он сделал то, чего я не ожидала. Просто соскользнул с бортика в воду, прямо в одежде. Вода хлестнула в стороны. Его футболка моментально прилипла к телу, обрисовала каждую линию, и я отвернулась, потому что смотреть на это было невозможно.

Оттолкнувшись от стенки, я поплыла в сторону. Он за мной.

Я сделала три гребка, Этан махнул два раза и уже находился рядом.

Пловец. Конечно. Можно разорваться пополам, но обогнать его в воде у меня не было ни единого шанса.

Тауэр спокойно и неторопливо загнал меня к дальней стенке, зная, что деваться некуда. Упёрся ладонями в бортик по обе стороны от моей головы. Вода стояла по грудь, между нами находилась его мокрая футболка и сантиметров десять пространства, не больше.

– Я исправлю, – прошептал он.

– Как?

– Как скажешь. Ты говоришь, я делаю.

В один момент я почувствовала его ногу. Под водой, где не видно, его бедро прижалось к моему. Медленно. Намеренно. Тёплая кожа чувствовалась сквозь мокрую ткань.

Я вздрогнула всем телом и не отплыла. Не смогла или не захотела, и я не знала, что хуже. В груди отчаянно билось сердце. Ко мне давно никто не подходил. Я мало кого вообще так подпускала.

– Отойди.

Несколько секунд Этан медлил, рассматривал меня, но потом отступил на полметра. Достаточно, чтобы не касаться. Но мало, чтобы я могла нормально вдохнуть.

– У меня есть деньги, – продолжал он тихим бархатным голосом. – А они могут почти всё. Да что ему от меня нужно? Пошёл он... к чёрту!

Я нырнула под его руку, выбралась из бассейна и направилась к раздевалке, не оглядываясь. Мокрые следы от моих ног тянулись по кафелю, я шла быстро, почти бежала, и только за дверью позволила себе прижаться спиной к шкафчику и закрыть глаза.

Я просто трусиха. Сложно признаться, что я горю от этого парня. И не хотелось показывать ему свои слабости. Побег – лучшее решение. Да. Не нужно мне от него ничего. Сама как-нибудь справлюсь. А он пусть... окучивает других девушек. Наверняка у него их вагон, судя по количеству подписчиц.

Ночью я лежала и чувствовала жар от его ноги. Будто мне обожгло кожу в том месте, где он касался. Сколько бы ни переворачивалась, ощущение оставалось, въелось в тело. Хотелось его смыть, чтобы не волновать себя ненужными мыслями.

В час открыла телефон и полезла в соцсети. Видео с моим срывом было ещё там, кто-то перезалил, кто-то сохранил. Всюду дрянные комментарии, что я жаркая девочка, мне б не выступать, а на камеру сниматься, некоторые спрашивали, что я делала ночью в его комнате, и ответы были вполне однозначными. Я читала по одному, и каждый резал мою душу на части. Люди обожают скандалы, а их здесь завалишь.

В конце концов я закрыла приложение. Публичные люди должны обрастать толстой кожей, чтобы вся грязь отскакивала от них. И мне тоже надо этому учиться.

Тем не менее я всю ночь возвращалась к экрану и читала новые комментарии.

К утру видео начало исчезать. Сперва одно перезалитое, потом второе, третье. Как будто кто-то невидимой рукой стирал следы.

Где-то в шесть утра пришло сообщение с незнакомого номера.

«Видео скоро будет удалено».

Я уставилась в телефон и сразу поняла, кто это.

«Откуда у тебя мой номер?» – напечатала я раздражённо.

Появились три точки, а потом замерли. Я загнипотизированно смотрела на них.

«У меня есть деньги», – наконец пришёл ответ.

Пф. Трясёт своим богатством направо и налево. Интересно, сколько на это клюёт девушек? Идиот.

Я заблокировала номер. Отложила телефон и перевернулась набок. Подушка пахла хлоркой от волос, и хотелось содрать с себя этот запах: он напоминал Тауэра.

Но сила воли у меня явно никакущая, потому что уже через четыре минуты я снова разблокировала его номер.

Твою мать!

Весь этот день стипендиальный комитет молчал.

Видео же исчезало из сети. К вечеру следующего дня от него не осталось почти ничего: кто-то профессионально и, явно заплатив приличную сумму, чистил интернет. И я знала кто. Этан всё решил за одну ночь и сделал это с такой лёгкостью, будто ему ничего не стоила эта мелочь.

А вот с письмом от комитета дела обстояли хуже. Его нельзя было купить или стереть, и уж точно не залить деньгами. Бюрократ с полномочиями не стирается, как пост в чате. Ответа не пока не приходило, и каждый день в неизвестности был днём, когда я ходила по бревну с завязанными глазами, не зная, есть ли внизу мат.

Он мог стереть видео в интернете, но не систему.

Но даже и этого много. Не хотела быть ему благодарной. Не за что. Он не герой. Просто... разгрёб собственное дерьмо. Частично.

Глава 5

Этан

Сообщение от Мэриан пришло в семь утра, я прочитал его и сел на кровати.

«Информация для тебя. Слышала, кто-то подал анонимный сигнал на гимнастическую сборную. Возможен внеплановый допинг-контроль. Сегодня-завтра. Имён нет, но вдруг захочешь кого-то предупредить».

Я смотрел на экран, и в моей голове строились ходы. Все внеплановые контроли не просто так, а по чьей-то наводке. И не исключено, что давить будут сильных, а Мия из их числа.

Я мог предупредить Мию. Одно сообщение, десять секунд, чтобы проверила шкафчик. Если там подброс, а я уже допускал, что подброс, она нашла бы его до контроля. Не произошло бы кризиса. Или отстранения. Но также... не было бы причины, по которой ей понадобилась бы моя помощь.

Я закрыл сообщение. Положил телефон на тумбочку, открыл шторы и посмотрел на утреннее озеро за деревьями.

Не написал ей.

Это мой выбор. Не ошибка. Я их не делаю. Не рассеянность. Мне не свойственно что-то забывать. Я посмотрел на два варианта: предупредить или промолчать, и выбрал второй. Осознанно. С холодным расчётом.

Потом пошёл в душ. Воду сделал ледяной и стоял под ней долго, пока не почувствовал, что тело начало дрожать.

По дороге в столовую я размышлял. Чистка интернета обошлась в несколько тысяч. Профессиональная компания справилась отлично. Для кого-то это бы стало катастрофой. Для меня это просто звонок и номер карты.

Внутри уже ждала Мэриан. Мы с ней поболтали недолго. Я немного посвятил её в историю Мии. И в конце она спросила:

- Дорого обошлось?
- Не твоё дело, – буркнул я.
- Она тебе нравится? – с улыбкой откинулась девушка на стуле.
- Мия меня ненавидит.
- А это не тот вопрос, который я задала.

Я не ответил. Потому что пока сам не знал. Мия занозой засела в голове, но что я испытывал – загадка даже для меня. Может, ничего, а может, всё сразу.

Допинг-контроль прошёл на следующее утро. Внеплановый, как Мэриан и предупреждала. Комиссия приехала с пробирками и протоколами. Обычная процедура, если бы не одна деталь: в шкафчике Мии всё-таки нашли запрещённый препарат с её отпечатками, потому что она трогала свой шкафчик каждый день, и никто не надевает перчатки, когда достаёт полотенце.

Что получила Мия? Временное отстранение. До выяснения.

Я узнал через час. Сыграл удивление перед тем человеком, кто мне это рассказал: поднял брови, покачал головой. Голос был правильный, с нужными интонациями, и лицо такое же. А внутри царил ровная гладь. На глубине ощущения походили на те, когда выключаешь все мысли и остаётся только движение.

Днём я решил навеститься к Мии.

Дверь комнаты была приоткрыта. Из неё выскользнула соседка, мелкая девчонка с испуганными глазами, и, увидев меня, замерла на секунду, будто решала – предупредить или бежать. В итоге выбрала второе.

Я вошёл без стука и сначала подумал, что комната пуста, поскольку постель была заправлена, стул стоял ровно, вещи лежали аккуратно.

Потом увидел Мию на полу у кровати. Девушка сидела спиной к стене.

На мгновение сбился ритм. И это не в груди, а в голове. Расчёт, который работал бесперебойно, запнулся на её лице, и я потратил целую секунду на то, чтобы осознать, что чувствую. Не понял. Отложил.

Мия была бледной, как бумага. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на телефон, лежавший на полу рядом с ней.

На экране горел таймер. Крупные белые цифры на чёрном фоне гласили: 58 дней.

Я посмотрел на число и попытался просчитать, что за ним стоит. Пятьдесят восемь дней до чего? Не знал. Что это за разбивка?

Сейчас я видел только цифру и её лицо, на котором был написан тихий, аккуратный подсчёт конца.

Девушка не плакала. Скорее калькулировала, и от этого становилось не по себе, потому что я узнавал этот взгляд. Я сам так смотрел на табло, когда время горело.

– Это подброс, – констатировал я, вальяжно устраиваясь на её кровати.

Она подняла глаза. Даже не удивилась моему вторжению.

– Я знаю. У меня нет денег на адвоката.

– У тебя есть я.

Мия ничего не ответила, но я видел, как в её голове крутятся шестерёнки. Они считали, искали подвох. Девочка умная и осторожная, это делало всё сложнее. И интереснее.

– Что ты хочешь за это? – наконец выдала она.

Я выдержал паузу. Мог бы разыграть благородство, бескорыстный жест, это мне ничего не стоило. Но она бы не поверила, и правильно.

– Ужин. Одна. Со мной. Без права сказать «нет».

Девушка смотрела на меня, а я пытался понять, что у неё в голове. И там явно не жаркие и радостные картинки. В её зелёных глазах искрилась злость.

– Ты шантажируешь меня ужином? Моя карьера, жизнь моей семьи висит на волоске, а тебе нужно, твою мать, свидание?

– Два часа. Да или нет? – протянул я холодно и встал, чтобы показать, что время на выбор у неё нет.

– Ты больной.

– Да. А у тебя пятьдесят восемь дней.

Я кивнул на экран напротив неё.

Мия вздрогнула. Её плечи дёрнулись, а зубы сжались. Я прочитал её таймер, и она поняла. Это было информационное вторжение в её жизнь. Я забрал цифру, которая принадлежала лишь ей, и положил между нами на пол, как карту в покере.

– Это всё? Только ужин? – спросила Мия.

– Я подумаю. Пока не знаю.

Девушка молча отвернулась к стене.

А я вышел и прикрыл дверь. Её ответ очевиден.

Мне понадобились сутки, чтобы решить этот вопрос.

Техник, обслуживавший электронные замки спортивного корпуса, прятал бутылку водки в подсобке за стеллажом с инвентарём. Конечно, я нашёл её и положил на стол. На его немой вопрос я попросил распечатку логов доступа к шкафчикам гимнастической сборной за последнюю неделю.

Он посмотрел на бутылку. Перевёл взгляд на меня.

– Это шантаж.

Я улыбнулся. Любил, когда люди говорили очевидные вещи.

– Это мотивация. Распечатка или рапорт начальству. У тебя минута.

Распечатка показала то, чего я ждал. Шкафчик Мии был открыт за два дня до проверки пропуском, зарегистрированным на имя, которое я уже встречал: помощница Нат. Бывшая помощница, формально уволенная, но с действующей картой доступа, которую никто не удосужился заблокировать.

Я передал распечатку в оргкомитет. Без лишних слов, эмоций, только бумага и факты.

Отстранение сняли в тот же день. Помощницу дисквалифицировали и удалили с территории. Нат осталась формально чистой, потому что нигде не фигурировало ничего, кроме карты её бывшей ассистентки, а карта – не имя.

Я стоял у окна своей комнаты и смотрел, как садится солнце за озером. Всё сработало. Бездействие создало кризис, который перетёк в нужду. А уже последняя привела ко мне. Мия теперь была мне должна, и этот долг не измерялся деньгами. Он измерялся тем, что я вытащил её из ямы, в которую мог не пустить.

Она этого не знала. И не узнает, пока мне не будет нужно это. Или пока кто-нибудь не расскажет.

Система работала несмотря на то, что она ещё грубая и неотшлифованная.

Я закрыл телефон и пошёл на тренировку. Время на стометровке сегодня было лучшим за неделю.

Глава 6

Мия

В тот жуткий день я сидела на полу у кровати и считала.

Руки не дрожали. Они безвольно обвисли вдоль тела, как после шестичасовой тренировки, только тренировки не было. Я положила их на колени и начала раскладывать цифры.

Стипендия – минус. Допинг, даже подброшенный, означал автоматическую заморозку. У Тайлера закончится ингалятор через восемнадцать дней. Мамина аренда просрочена будет через сорок. Восемнадцать и сорок: пятьдесят восемь дней до точки, после которой рассыпается всё. Расчёт получился холодным, и я смотрела на него безэмоционально: вот трещина, а тут место, что уже не починить.

Я не заплакала, просто набрала маму. Мы с ней поговорили недолго. Её голос успокаивал меня.

Когда отстранение сняли, я выдохнула, но воздуха хватило на секунду.

Стипендиальный комитет оставался отдельной веткой, и они копали не только под допинг, но и ещё смотрели на всё: вирусное видео, мой срыв в его комнате, инцидент с препаратом. В общей картине я выглядела не как спортсменка, а как ходячий скандал. Решение было заморожено до завершения расследований. Меч укоротился, но висел всё так же.

Этан решил дело с допингом. Но не в его силах повлиять на комитет. Деньги стёрли всё из интернета, но бюрократов с полномочиями нельзя ни купить, ни взломать. Первая трещина в его всемогуществе, и я заметила её. Наверное, мне стало бы легче, если бы не одно но: я была ему благодарна. Боролась с этим, но благодарность сидела внутри и не уходила. Долг давил. К сожалению, его нельзя пересчитать и вернуть купюрами.

У меня в гардеробе висело только одно хлопковое платье. Из секунд-хенда за двенадцать долларов. В этот вечер я долго сидела и смотрела на него. Что? Правда, пойду с Этаном на свидание?

Надев его, я взглянула на себя в зеркало. М-да. Не сочная красотка: худая, жилистая. Под глазами круги. Надо, наверное, накраситься, но я махнула рукой. Платья будет достаточно.

На ноги натянула кеды, вместо каблучков, потому что последние в моём гардеробе не водились никогда. Волосы распустила. Белые локоны обрушились на плечи. Ничего так. Уже лучше.

В коридоре мне попала по дороге Лиза. Волонтёр. Мы с ней частенько болтали за обедами.

– Свидание? – с хитрой улыбкой повисла она у меня на руке.

– Деловой ужин, – буркнула я.

– В платье? На ночь глядя?

– Молчи. Ничего не говори.

Девушка обиженно надула губки, но от меня отстала. Сейчас я не готова была раскрываться перед кем-то. И так напряжение такое, что сводило все мышцы.

Этан встретил меня внизу и повёл в ресторан за территорией деревни. Он как-то достал пропуска. Я не стала спрашивать подробности.

Калифорнийский вечер обнял теплом, в воздухе парил запах жасмина. Свечи за столиками открытой террасы бросали мягкий свет.

Я села напротив и взглянула на его рубашку. Она идеально сидела. Тёмно-синий цвет подходил к его глазам. Уверена, она стоила больше моей стипендии за месяц.

Тауэр заказал за меня стейк, салат и воду. Хорошо, что не вино.

– Я могу и сама это сделать, – буркнула я.

– Можешь. Но не будешь. А то закажешь куриную грудку без соуса и будешь жевать без удовольствия, потому что тебя приучили.

Тембр его ленивого баса с хрипотцой вибрировал по моему телу. И мне это... нравилось?

– Ты мне не тренер.

– Я хуже, – перегнулся через стол Этан.

Стейк принесли, и он таял во рту. Я ненавидела, что он был прекрасен. Искренне и от всей души.

Мы молча ели, и в какой-то момент Тауэр спросил:

– Расскажи о себе.

– Что именно? – буркнула я.

– То, что я не знаю.

– Мне нечего рассказывать. Я обычная. Такая же, как все. У меня есть спорт. И это всё.

– Неправда.

Он взял мою руку. Два пальца легли на пульс, и я очнулась слишком поздно: потерялась в ощущениях от его горячей кожи.

– Девяносто пять. Нервничаешь, – усмехнулся он.

– Убери руку, – прошептала я, а сама не могла выдернуть, не хотела.

Этану было плевать на мои слова. Он держал мою кисть, рассматривал, легко водил пальцем по тому месту, где билась жилка, а потом замер и чуть сжал руку.

– Сто двенадцать ударов, – пророкотал он.

– Отпусти.

– Скажи правду, отпущу.

Я вырвала руку. Этан позволил. Пульс выступал как детектор лжи. Тело не врало, он это знал, и я тоже. От этого хотелось перевернуть стол.

Но лучше бы я оставила свою ладонь у него, потому что парень резко подвинулся и его рука оказалась под столом. На моём колене. Пальцы чертили медленные круги по коже, и я чувствовала каждое движение, будто он рисовал по мне раскалённым углём.

– Ты делаешь это специально, – выдохнула я.

– Конечно.

– Зачем?

– Потому что ты ёрзаешь. И не сказала «нет».

Я убрала его руку. А он хищно улыбнулся.

Мой рассказ не был долгим, и я не вкладывала в него чувства. Только факты: Тайлер, ингаляторы, мамины смены. Не любила рассказывать про себя. Слишком мрачно. Когда я закончила, Этан внимательно смотрел на меня, но я не могла прочесть, что он думает.

– Я считаю жизнь в ингаляторах. А ты в чём? – спросила я, чтобы разбавить наступившую тишину.

Тауэр задумался, а потом выдал:

– В метрах. До стенки бассейна. До дна.

Это было первое за вечер, от чего мне не захотелось его ударить.

Принесли десерт. Тирамису, два. Я не притронулась.

– Что?

– Этот десерт стоит как ингалятор Тайлера.

Этан замер, и я увидела на его лице растерянность. Настоящую, живую. Он явно не знал, что такое бывает у других людей.

– Ингалятор стоит... сколько?

– Ты не знаешь эту цену и никогда не узнаешь, – пробормотала я.

Наступила тишина. Ему нечего было сказать. Скорее всего, это от слепоты, которая приходит с деньгами. Он не видел мой мир не потому, что не хотел, а потому, что его мир не позволял. Между нами пропасть. И это навсегда.

Мы доели и пошли в сторону общежития.

Там было темно. Фонарь не работал, камеры не доставали до угла.

– Ужин прошёл. Мы в расчёте? – бросила я, желая поскорее убежать к себе.

Ведь его энергетика сильно давила на меня. Этан подавлял, рушил мои барьеры.

– Не совсем.

Он забрал контейнер с тирамису из моих рук и поставил на бетон. После того как выпрямился, шагнул ко мне и положил тёплую ладонь мне челюсть. Большой палец очень медленно прошёлся по нижней губе, и я перестала дышать. Сердце билось птицей в грудной клетке, желая выскочить.

– Скажи «нет» и я уйду, – пробормотал Этан, склоняясь надо мной.

Я молчала. Каждая клетка мозга выла, что надо уносить ноги, а горло не могло выдавить ни звука.

Секунда, и он поцеловал. Глубоко, с зубами. Не давая дышать.

Я не закрывала глаз и Этан тоже. Он наблюдал за моей реакцией. Холодно. Расчётливо.

Его губы поглощали мои. И с каждым мгновением поцелуй разгорался.

Я пыталась не уплыть в ощущениях, отдать долг и забыть. Но меня подводило тело. Оно пылало, дыхание стало прерывистым.

А ледяные глаза продолжали сканировать. Я уже думала, что он робот, не может ничего чувствовать, но тут его взгляд стал мутным. Издав тихий стон, мужчина прижал меня сильнее к себе и закрыл веки, наслаждаясь моим ртом. И я почувствовала его целиком, грудь, живот, бёдра.

Вместо того чтобы оттолкнуть, я вцепилась в рубашку обеими руками и потянула на себя. Глаза сами закрылись, отдавая меня в лапы этому железному монстру. А он целовал страстно. Слегка отрывался и потом нападал на мои губы. Снова и снова.

Я не хотела это прекращать. В это мгновение всё вылетело из головы. Мысли расплзлись, а в груди рассыпались искры.

Этан отстранился первым. Когда я пьяно взглянула на него, он уже пришёл в себя и внимательно изучал моё лицо. Его губы были влажные, и в глазах плескался голод. От этого у меня подогнулись колени.

– Всего лишь небольшие проценты, Мия. Мы не закончили, – тихо пробасил Этан, убирая выбившуюся прядку мне за ухо.

Ещё несколько секунд он держал меня и будто пил моё тепло, вбирал эмоции, что вызвал. А затем отпустил.

Я чуть пошатнулась, голова закружилась, но быстро взяла себя в руки. Не стоит показывать, какие сильные чувства он у меня вызывает. Добром это не кончится.

Этан поднял контейнер, отдал мне и ушёл. Не оглянувшись. Шаги затихли, а я стояла и не могла никак отдышаться.

В два ночи я лежала в темноте и трогала губы. На них остался привкус мяты от поцелуя.

Мне не спалось, поэтому, стараясь не будить соседку, я подошла к холодильнику и достала контейнер. Тирамису был мягкий, шоколадно-кофейный, и я ела его в ночной тиши, жадно облизывая пальцы, всё думала о нём. Мы давно разошлись, но возбуждение не проходило. Оно засело где-то под кожей и зудело, ища выход.

Я юркнула в душ. Может быть, прохладная вода поможет? Но там стало только хуже. Капли жгли кожу, и я фантазировала о том, что это его губы скользят по ней.

Чёрт!

Рука сама опустилась, и я не остановила. Не смогла, а может, не захотела, да и плевать. Тело решило за голову, может, ещё в подвале, когда я сидела на нём верхом и чувствовала сердце Этана под своим коленом. Его лицо, пальцы, зубы. Мне хотелось всего этого прямо сейчас, но я не могла позвонить ему. Я не такая. И он точно должен вылететь из моей головы. Для него я очередной экспонат на полке. Но даже эти рассуждения не помогали. Меня всю скручивало от одного взгляда Тауэра. А поцелуй... Я мечтала, чтобы его губы оказались там, где сейчас находились мои пальцы.

Яркие вспышки огнём пронесли по моему телу, заставив, сжать зубы. Несколько секунд я стояла, наполняясь спасительным опустошением. Это всего лишь физиология. Не больше. Меня тянет к нему, как к мужчине, в нём ничего нет, кроме денег. А с деньгами все могут выглядеть красивыми и загадочными.

Выйдя из душа, я посмотрела на контейнер.

Ненавидела себя за десерт, его вкус на губах, за душ. Начало приходить осознание собственной ничтожности. Этан мог себе позволить дорогой стейк хоть каждый день. Этот ужин стоил бы маме четыре смены. А я сидела за столом и наслаждалась каждым кусочком. Я ужасна. Жизнь всего на секунду дала мне передохнуть, но дальше надо снова барахтаться в своём мраке. И от этого только хуже. Ведь если бы я не знала, как там, по ту сторону, то не хотела бы вернуться туда вновь. А теперь я знаю. Стало грустно и ещё больше одиноко.

Глава 7

Этан

Стометровка вольным – 48.3. Не рекорд, но тренер кивнул, а парни в раздевалке не полезли с вопросами. Я выбрался из воды, чувствуя привычную пустоту в мышцах. Она приходила после правильной нагрузки, когда тело молчит и не просит ничего, кроме еды и горизонтальной поверхности.

В раздевалке у зеркала стоял Джекс и трепался с парнями. Я зашёл в душ, открыл воду и услышал его голос, громкий, как всегда. Джекс не умел разговаривать тихо, это был его принципиальный выбор, а не дефект.

– Тауэр, как свиданка с гимнасткой? – крикнул он через шум воды.

Я не ответил. Намылил голову и решил, что молчание сработает лучше любой реакции.

Но он просто упёртый баран.

– Молчит. Значит, было хорошо, – объявил Джекс кому-то у шкафчиков. Кто-то хмыкнул. – Я бы тоже попробовал. Видел её на тренировке? Ноги от ушей, и гнётся так, что...

– Джекс, – бросил я ровно, не повышая голоса.

– Что? Я же комплимент делаю. Девчонка огонь. Наверняка в кровати тоже, они же все растянутые, гимнастки. Представляешь, какие позы...

Вода текла по лицу, и я стоял под ней и считал. Не секунды. Причины не выйти из душа и не вбить ему зубы в глотку. Нашёл три. Все слабые.

– Серьёзно, братан, – не унимался Джекс, – ты её уже разложил или всё ещё ходишь кругами? Потому что если ты не планируешь, то я бы...

Я рывком отдернул шторку. Мокрый, в одном полотенце, подлетел к нему за две секунды. Он не успел договорить. Схватив Джекса за шею, я вдавил его лопатками в кафель.

– Только попробуй закончить это предложение.

Парни замерли. Кто-то аж уронил шампунь. Мы с ним редко ссорились. Можно сказать, я впервые на него так налетел.

– Твоя территория, – выдавил Джекс.

Я отпустил. Извиняться не собирался, поэтому вернулся в душ. Надо проанализировать, что со мной произошло. Такие вспышки гнева мне несвойственны. И сейчас, стоя под струями, в голове по кирпичику выстраивалась багнутая схема.

Я не защищал Мию. А обозначал, что она моя, и чужие рты, руки и слова к ней не прикасаются. Это вовсе не касалось её. Это всё мои демоны. Я собственник, и девушка принадлежала мне. Разница существовала, я её видел, и меня такая позиция устраивала.

Вечером я написал ей и напомнил о долге. Она ещё до конца мне его не выплатила.

Ответ пришёл через минуту: «Я уже повторяла и больше не буду. Поцелуй закрыл долг».

«Тогда я тоже ещё раз объясню, – не сдавался я. – Поцелуй – бонус. А долг отдельно».

Мия минуту печатала и наконец у меня засветился экран: «И сколько ещё ты будешь шантажировать? Чего ты хочешь?»

«Ночная тренировка. Ты показываешь программу. Только мы», – быстро набрал я.

«Нет».

А вот это уже нехорошо. Меня раздражало её сопротивление и заводило одновременно.

«Ответ не принимается. Попробуй ещё раз».

Три минуты я сидел в тишине и смотрел на экран.

Долго, девочка. Я не привык столько ждать.

«Мия!» – не выдержал я.

Она станет моей по-хорошему или по-плохому.

«23:00. Зал В. Опоздаешь – я ушла», – пиликнул телефон её сообщением.

– Хорошая девочка, – протянул я.

Ровно в назначенное время ноги сами принесли меня в зал. Свет я включил только над ковром, одну тёплую лампу, которая вырезала из темноты, создающую ощущение сцены в пустом театре.

Мия пришла вовремя. На ней были легинсы, спортивный лиф, а вот ноги босые. Волосы девушка собрала в хвост.

– Правила такие, – начала она. – Ты молчишь. Не снимаешь и не комментируешь.

– У меня будет одно условие.

Я подошёл близко настолько, чтобы Мия чувствовала моё дыхание. Провёл пальцем по ляжке лифа. Медленно. От плеча к ключице.

– Раздевайся. Бельё оставь.

Она отшатнулась. Широко раскрыла глаза.

– Ты ополоумел?!

– Хочу видеть тело, – промурлыкал я, пожирая девушку взглядом. – Не форму на теле.

Мышцы, линии, движение. Без ткани.

Мия смотрела на меня, и я почти чётко видел направление её мыслей: ударить или уйти.

Я не стал ждать ни того ни другого. Повернулся к выходу.

– Значит, долг не отдан. Пойду придумывать что-то поинтереснее.

Шаг к двери. Ещё один.

– Стой! – вырвалось у неё.

Я остановился и ждал.

Послышался звук ткани. Лиф упал. За ним легинсы. Шорох, шлепок одежды о мат. А потом наступила тишина.

Я медленно обернулся, растягивая предвкушение.

Она стояла в простом, чёрном белье. Ничего кружевного или показного, как у всех других девушек. Тело у неё спортивное. Его гнули, ломали, собирали заново. Одни мышцы, на коже рубцы и линии, которые не нарисуешь за полгода в зале. Девушка стояла прямо, подняла подбородок, и в её глазах был жар. От него мне стало трудно дышать.

Мы стояли друг напротив друга и я, не скрывая наслаждения, нагло осматривал каждый сантиметр, что она показала.

– Мне нравится, – как можно небрежнее бросил я, но заметил, что в голосе появилась хрипотца.

Обойдя девушку по дуге, я остановился за её спиной. Подошёл так, что почти касался её. Тонкая шея манила. Хотелось в неё впитаться. Но я держал себя в руках. Лишь позволил провести по ней пальцем, чем вызвал столп залипательных мурашек на её коже.

Ещё секунда, и в голове проскользнула мысль. Я должен был остановиться. Но не смог. Потому что всегда говорю, что приходит на ум.

– То, что на тебе, стоит меньше, чем салфетка в ресторане, где мы ужинали.

Звенящая тишина оглушила. Мои слова вонзились в Мию и вернулись мне огненным бумерангом. Внутри растекался ожог.

Сбоку я видел, как лицо Мии изменилось. Оно стало безэмоциональным, словно камень.

Прошло пять секунд, а может, десять. Я вздохнул, прогоняя зудящее неприятно ощущение. А после подошёл к стулу и плюхнулся на него.

Я не забрал свои слова назад, не извинился. Мог бы это сделать, но не стал.

– Начинай, – хладнокровно бросил я.

Мия не двигалась. Я был уверен, что уйдёт. Имела полное право, и я бы не остановил, потому что мой бравый выкидыш мозга перечеркнул любое слово, которое я мог бы сказать после.

Но она вышла на ковёр. Встала на исходную. Закрыла глаза.

Профессионально. Её не сломаешь.

Мия повернулась ко мне спиной и начала.

Это была вольная программа, без музыки, только дыхание и шлепки стоп о мат. Первые движения вышли жёсткими, механическими, и я чувствовал, как что-то сломалось между нами. И я понимал что. Злился на это. И на себя тоже.

Но на второй минуте её тело забрало своё. Движения стали шире, свободнее, злее. Она исполняла программу не для меня. Явно же не простила. Мия отбирала себя обратно, назло мне, назло моим словам и всему, что пыталось превратить её в предмет.

Каждый элемент был ударом, а прыжок – криком, и тишина зала только усиливала это, потому что без музыки оставалось лишь тело и воздух.

Наконец Мия встала в финальную позу и замерла. Грудь ходила ходуном, пот блестел на ключицах. Она стояла посреди освещённого ковра в чёрном хлопке, и я понял, что сижу с открытым ртом, как идиот, и не могу это исправить. Мозг на мгновение отключился. Ненавижу, когда так.

Я поднялся и опять обошёл её сзади. Остановился за её спиной, хотел снова увидеть реакцию на меня, понять, что я не потерял хотя бы её тело. Моё дыхание легло на лопатки, и с наслаждением улыбнулся. Мурашки на месте. Но Мия не шевельнулась. Только дышала глубоко.

– Теперь я знаю, что ты стоишь каждой мигрени, – пробормотал я.

Она обернулась. Её глаза горели изумрудной яростью.

– Одолжение отдано. В расчёте?

– Даже близко нет, – чуть наклонился я.

Теперь я знал, что не смогу её отпустить. Как бы Мия ни сопротивлялась, она уже вошла в мою голову, оттуда рухнула в сердце, если оно, конечно, у меня было, и чувства, которые рождала эта девушка, уже бежали по венам. Они не нравились. Но я их нехотя принимал. А раз так, то мы связаны уже до конца. Наверное, это неплохо.

Девушка быстро собралась и выбежала.

Я же пошёл в холодный душ. К сожалению, он не помог. Ледяная вода не гасила ни единого ощущения. Раньше я хотел её как вещь или фиксацию, как что-то, что можно забрать и положить в папку. Теперь же я хотел Мию как одержимый: не обладать, а принимать, чтобы остальной мир замолчал.

Ещё я анализировал свои слова. Тот момент, когда они вылетели из моего рта. Я понимал, что ранил, но не жалел. Потому что не умел. Меня самого никто никогда не жалел, и я запомнил это.

А её лицо в секунду удара я снова нарисовал и сохранил в голове, там уже лежали десятки её кадров: ярость первого дня, зелёные глаза в бассейне, пульс под моими пальцами. Теперь... её боль.

Я коллекционировал всё, что девушка мне показывала, хотела она этого или нет.

Глава 8

Мия

Утром я стояла под душем и тёрлась жёсткой мочалкой, пока кожа не стала розовой и горячей.

Тело помнило вчерашний зал. Его дыхание на лопатках. И слова.

Я скребла запястья, плечи, рёбра и не могла разобраться, что пытаюсь смыть – унижение или желание. Оба сидели внутри, сплавленные в единое целое, и ни одна мочалка в мире не могла их разделить.

Проклятый Тауэр. Мозгом я понимала, что с таким не стоит связываться, он хам, нахал, сраный мажор, которому папенька разве что в жопу не запикивал деньги. И что это? Любовь зла? Ведь Этан реально козёл, а у меня колени дрожали всякий раз, когда я его видела.

Ненавидела себя за это. И его вдогонку.

На тренировке я работала изо всех сил, выкладываясь по полной.

Рита придиралась, как обычно: угол не тот, стопа вялая, спина, выше, ниже. Я слушала и делала. Потом перестала.

На бревне, в середине связки, я приняла решение и поменяла элемент. Добавила тот самый, которого избегала после травмы колена. Полтора года назад я приземлилась на него неудачно, и колено хрустнуло так, что слышал весь зал. С тех пор я обходила его, боялась.

– Я не разрешала! – рявкнула Рита.

Но уже поздно. Толчок, полёт, разворот, приземление. Чисто. Колено выдержало.

Я стояла, и сердце колотилось так, что отдавало в виски, это перемешались страх, адреналин и кайф.

Рита молчала. Не хвалила. Но что-то в её привычном недовольстве выглядело иначе, и осталась тишина, которой я раньше от неё не слышала.

Первый бунт на снаряде.

Я поправила ляжку майки и вспомнила палец Тауэра на том же месте. Вернулся злой и горячий адреналин, и я не знала, бесит меня это или помогает. Скорее всего, и то и другое.

В перерыве Лиза принесла воду и шепнула:

– Если нужна помощь, у волонтеров есть доступ ко многому. Реально ко многому.

– Спасибо большое. Буду иметь в виду.

Она кивнула. Ни одного лишнего вопроса. За это я её и ценила.

В раздевалке я услышала Нат.

Она стояла у шкафчика спиной ко мне, телефон у уха. Говорила девушка ровно, а вот костяшки побелели.

– Папа, я делаю всё правильно. Серебро, минимум. Она мне не конкурент.

Повисла пауза, а потом сквозь динамик раздался мужской голос, наверняка отца. Я не понимала его речь, но тон узнала сразу. Это давление. Тихое, негромкое. От него хотелось стать меньше.

Нат положила трубку. Обернулась. Увидев меня, на её лице мгновенно появилась безупречная улыбка, как будто она репетировала.

– Родители. Ты же понимаешь.

Я понимала больше, чем она думала. Другой отец, другое давление, однако ловушка та же.

Позже, когда я переодевалась, Нат села рядом на скамью.

– Этан Тауэр... он из тех Тауэров? С виноградниками и яхтами?

Я знала его фамилию из аккредитации, но не соединяла с виноградниками. Оказывается, и это у него есть. Надо же.

– Он тебя хочет подобрать как бездомного щенка. – Натали ядовито улыбалась, вот стерва! – Благотворительность. У них семейное.

Удар прошёл точно по больному месту. Ведь я сама об этом думала, просто старалась не углубляться, чтобы не было больно. И со стороны это и выглядело так: мальчик мажор заинтересовался новым объектом. Пф. Даже паршивая Нат это видела. А я всё мечтала об искренней и бескорыстной любви. Могла ли я на неё надеяться?

Рита поймала меня в коридоре.

– Слухи дошли, что сегодня у спортсменов вечеринка?

– Всё так, – кивнула я.

– Ты на неё не идёшь! Поняла?

Я посмотрела в её тёмные глаза, которые сверлили меня. Что ещё мне запретят? Дышать? Но ничего не ответила. Подтянув сумку, я направилась в свою комнату.

А вечером просто послушалась её приказа и пошла. Мой второй бунт за день. Нервы не выдерживали. Казалось, я живу для кого-то другого, а не для себя.

Вечеринка гремела на этаже легкоатлетов. Громко играла музыка, тела сплетались в танцах, повсюду запах пота и дешёвого дезодоранта. Лиза стояла рядом. Мэриан наблюдала из угла, в её руках находился бокал. Она даже не помахала мне, хотя только недавно мы мило общались перед пресс-конференцией. Девушка смотрела на весь этот балаган, запоминая, как это делают журналисты.

Неожиданно я увидела Этана. Он прошёл через толпу напролом и остановился передо мной.

– Не знал, что тебе разрешают выходить. Рита выглядит суровой, – склонился Тауэр к моему уху, потому что музыка орала так, что можно было только кричать.

– Не разрешают, – буркнула я и немного занервничала от такой близости, стала вертеть головой в поисках места, куда сбежать.

– Ещё лучше.

В нос проник его запах: смесь хлорки, мяты. В это всё вплетались древесные нотки от дорогого парфюма. Хотелось отодвинуться и прижаться одновременно, и от этого дисбаланса в голове меня разрывало.

– Тауэр, серьёзно, крути хвосты другим девчонкам, – крикнула я ему в ухо. – Или виноград собирай с лоз!

Да, история с виноградниками как-то меня подкосила. Я, конечно, знала, что он мажор, но не думала, что всё настолько плохо. Обычные люди не владеют плантациями и винодельнями.

– Это имеет значение?

Он выставил руки по бокам от моего лица, чтобы я не сбежала. Лиза, предательница, быстренько смылась, и теперь были только мы в уголке.

– Ты забыл упомянуть, что можешь купить мой район, – зло посмотрела я на него.

– Не весь. Всего лишь парочку домов.

Я не засмеялась. Хотела, но не позволила себе. Вместо этого попыталась его оттолкнуть со словами:

– А моё бельё стоит дешевле, чем салфетка в ресторане.

– Всё ещё злишься? – Этан перехватил мои руки и прижался ко мне всем телом. Его дыхание коснулось уха, и он медленно, растягивая слова, пробормотал: – Меня больше интересует то, что под ним. А красивые кружева я могу и тебе и сам купить.

– Не нужно! Просто оставь меня в покое! – дёрнулась я.

Что-то в его лице изменилось. Вряд ли раскаяние, для этого у него не было нужных мускулов. Скорее, признание. Будто он наконец посмотрел на то, что сорвалось с языка, и увидел по-настоящему.

– Это было лишнее.

– Лишнее?! Ты сказал...

– Я помню, что сказал, – перебил Этан. – Я был неправ.

– Это извинение?

Я всё пыталась посмотреть ему в глаза, но он не давал. Его горячее тело плотно прижималось к моему.

– Это факт. Извинение звучит по-другому.

– Как?

Тауэр молчал. Вероятно, потому, что извинение означало признать мою власть, а он ещё не был к этому готов. Я видела это: борьбу, расчёт, упрямство. Он не мог извиниться, как не мог проиграть заплыв. То же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.